

ДАНИИЛ ГРАНИН:

«МНЕ МЕШАЮТ

РАБОТАТЬ —

И ЭТО ПРИЯТНО!»

РОВНО год назад мы встречались с Даниилом Граниным на страницах «КО». Тогда писатель сообщил нам, что работает над романом о Петре Первом. Какова судьба романа? С этого вопроса началась наша нынешняя беседа.

— Я его заканчиваю. Уже отдельные главы начали печататься в журнале «Наука и жизнь», петербургских и московских газетах.

— Большой получился роман — если это, конечно, роман по жанру?

— Может быть, это и роман по жанру — черт его знает. Но во всяком случае — на листов 16 тянет.

— Заинтересовалось ли им какое-нибудь издательство?

— «Армада».

— Книга уже стоит в плане?

— Да.

— Даниил Александрович, что это вы держитесь, как Павлик Морозов? Каждое слово приходится вытигивать клещами?

— Книга в планах-то стоит давно. Просто дело за мной...

— А что это за эссе «Страх», как донесла разведка, вы написали?

— Это эссе сейчас печатается в третьем номере журнала «Нева», готовится выйти отдельной книгой. Оно посвящено генеалогии страха.

— Понимаю: конец века, идет подытоживание накопленного...

— Нет, оно написано не в связи с этим, а в связи с накопленными страхами.

— Вы рассматриваете только российские страхи? Или замахиваетесь на мировые?

— Мировой страх мне трудно брать, поскольку запасы мирового страха гораздо меньше нашего отечественного.

— Ну и какую оценку по пятибалльной школьной системе вы поставили бы нашему российскому страху?

— Наш страх самый лучший в мире! Самый глубокий. Самый невыносимый. Самый цепкий. Самый глобальный. Который проник во все поры нашего тела и духа. История этого страха мне была интересна еще и потому, что я пользовался собственной жизнью.

— Вы обмолвились, что по жанру ваша новая работа — эссе. Что это за жанр? Я всегда думал, что это разговор о том, что в голову приходит. Поэтому и читать бывает интересно.

— Эссе — это новое понятие, но старый жанр. В русском, например, исполнении в жанре эссе написаны «Бьлое и думы» Герцена.

— В нескольких томах!

— Размеры эссе неограниченны. Камю писал эссе-размышление, сделанное в более или менее художественном виде. У Герцена оно принимало блестящий вид!

— Какая книжка сейчас раскрыта на вашем столе?

— Я сейчас читаю «Трагическую сущность жизни» Унамуно.

— Что это вас на трагическую сущность жизни подтолкнуло?

— Во-первых, потому что жизнь трагична,

во-вторых, потому что автор прекрасен. Книгу мне только что подарил в Москве Саша Гельман.

— У Унамуно жизнь трагичнее, чем у нас в России?

— Нет, у него жизнь, может быть, менее трагична, но восприятие ее отмечено большим трагизмом, чем у нас, поскольку мы еще жури-ем за счет старого казенного оптимизма.

— Как при всем этом сейчас живет писателю Гранину?

— Живется мне прекрасно. Потому что есть работа и хочется работать. Потому что меша-ют работать — это тоже приятно.

— Кто же вам мешает работать?

— Масса каких-то общественных дел. Но это в какой-то мере всегда даже помогает.

— Успеваете вы читать книжки?

— Нет. Мало. Мне присылают журналы. Тот же «Новый мир», где я член редколлегии, или «Неву», «Звезду», «Октябрь». Но, во-первых, читать беллетристику неинтересно. Не тянет. У меня сейчас такой период, когда не тянет читать. Почему? Не знаю. Думаю, что это довольно массовая болезнь.

— Ну, страна-то читает. Если издаются все эти триллеры, любовные романы, значит, есть спрос...

— Я думаю, что страна не читает. Страна развлекается. Читивом. Это немножко другое.

— Вы так сурово обошлись со страной..

— Почему? Наоборот, я очень уважаю. Просто стране не до настоящего чтения, а развлечения приятно всем.

Я сам иногда грешу этим, когда есть время. Это все явления одного порядка: когда смотришь американские фильмы по телевидению или сидишь с этими пестрыми книжонками.

— Между прочим, теле-«мыльные оперы» сейчас — единственное скрепляющее начало всех развалившихся республик.

— Не согласен. Это скрепляющее начало всего мира.

— Может быть, мир спасется не красотой, а «мыльными операми»?

— Нет, нет, нет! Эти вещи оглуляют людей. Они не делают людей человечнее. Человечнее в том смысле, что человек не начина-ет от этого думать, страдать...

— Если бы вам предложили написать сце-нарий «мыльной оперы»?

— Деньги — это то, что меня начисто не интересует. Я убедился, что это совершенно не важная вещь. В этом денежном ажиотаже, который сейчас происходит и который во многом необъясним, я чувствую себя очень комфортно, поскольку меня это не касается.

— Конечно, вас сейчас интересуют вопро-сы страха!

— Да.

Беседовали Александр ЩУПЛОВ
и Евгений ЛЕСИН.

Кн. обозрение. — 1997. — 13 мая. — с. 16